

Без солнца, без утробы и без изгнания
 живем мы здесь изголо и покаяние.
 Завидуйте!
 Нам целый мир — пустыня.
 Отелество * — горе, Ленинград.

Прошло два года со дня
 выхода в свет предыдущей
 книги стихов Сергея Захарова
 «Снег». Новая его работа
 посвящена Петербургу. На
 свой родной город он пред-
 лагает нам посмотреть глаза-
 ми поэта.

Мореплаватель, корабел,
 бизнесмен, родившийся и
 выросший на берегах Невы,
 Сергей Захаров вновь радует
 читателя широкой палитрой
 поэтических красок.

Ленинград—Петербург, знакомые с детства площади и проспекты, вдруг
 возникают в неожиданном ракурсе, тонкая лирика соседствует с грубой
 обыденностью, морская романтика — с суровыми рабочими буднями.

Эта книга никого не оставит равнодушным. Старые, хорошо известные
 стихи поэта, и совершенно новые, родившиеся на невских берегах или
 во время путешествий по миру, подчеркивают магнетическую прелесть
 Петербурга.

Эта книга — признание поэта в любви к Великому городу.

Сергей Захаров

СПб.

СПб.

Сергей Захаров

Сергей Захаров

СП6

Сергей Захаров

СПб.

Книга стихов

2015

Художник Алексей Портнов

Захаров С.

338 СПб. Стихотворения. – СПб.: «Петербург – XXI век», 2015. – 128 с., ил.

Прошло два года со дня выхода в свет предыдущей книги стихов Сергея Захарова «Снег». Новая его работа посвящена Петербургу. На свой родной город он предлагает нам посмотреть глазами поэта.

Мореплаватель, корабел, бизнесмен, родившийся и выросший на берегах Невы, Сергей Захаров вновь радует читателя широкой палитрой поэтических красок.

Ленинград–Петербург, знакомые с детства площади и проспекты, вдруг возникают в неожиданном ракурсе, тонкая лирика соседствует с грубой обыденностью, морская романтика – с суровыми рабочими буднями.

Эта книга никого не оставит равнодушным. Старые, хорошо известные стихи поэта, и совершенно новые, родившиеся на невских берегах или во время путешествий по миру, подчеркивают магнетическую прелесть Петербурга.

Эта книга – признание поэта в любви к Великому городу.

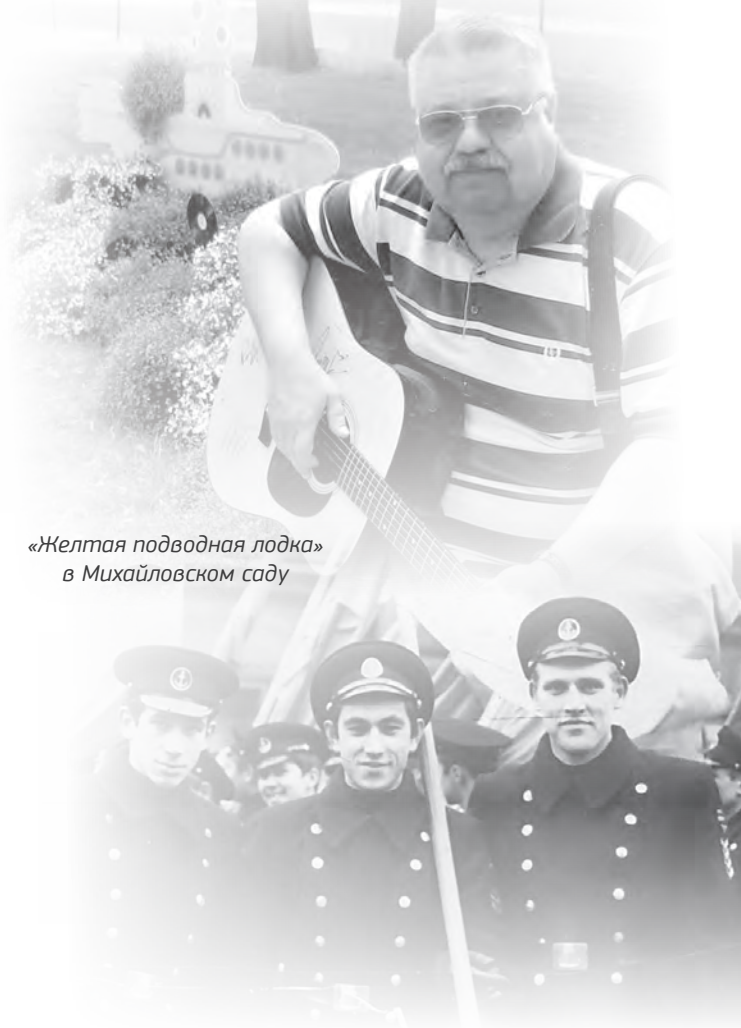
Белые ноги

84Р7-5

ISBN 978-5-88485-240-2

© С.А. Захаров, 2015

© А.М. Портнов, оформление, 2015

A man with a mustache and glasses, wearing a striped polo shirt and suspenders, is playing an acoustic guitar while sitting in a small wooden boat. The boat is on water, and there are some structures in the background.

*«Желтая подводная лодка»
в Михайловском саду*

A man wearing a cap and a dark coat stands with his hands in his pockets in front of a large monument. The monument features a circular design with a cross-like symbol and a banner at the top that reads "РОССИЙСКОМУ ШЛОТУ БЫТЬ!". Below the banner are the numbers "696".

«А как же я»

A group of young men in dark sailor uniforms with white buttons and caps are standing in a row. They are looking towards the camera.

*Вот так нас гоняли на демонстрации.
Невский пр. 7 ноября 1974 г.*

Улица Маяковского

Умер Сталин.
В тот год я родился.
По Надеждинской мел листопад.
Мелкий дождик по стеклам струился.
«Снегиревка», октябрь, Ленинград.
За окошком скучали задворки.
Засыпала, отмучившись, мать.
Молоко показалось мне горьким –
вождь ушел,
но успел напугать.

Невский проспект

Дорога в Шамбалу
закрыта всем.
Не стоит дергаться.
Да и зачем?
Когда приблизится
к нам Высший суд,
оттуда выйдут к нам
и нас спасут.
А выйдут, ясно мне,
на Невском меж
Фонтанки с Мойкою...
Да, не в Москве ж!

Стрелец. Март 91-го года.

Улица Отважных

Навалится усталость.

Станный гнет.

Крутись, крутись, крутись,

мальчишка.

Жизнь весела.

Но как-то слишком.

Жива лишь вера.

Что, если умрет?

Блажен, кто любит.

Весел, кто любим.

Люби, а не читай газеты!

Как с черным ухом белый Бим

у ног твоих лежу.

Но где ты?

(Чтоб взгляд ее скрестить с моим

и мысль вернуть в иные веси,

ей нужен не поэт, а мим

с подарками на тыщу в месяц.)

А за окном постылая капель.

Там люди с карточками в сумках.

Я лапкой мягкой

наполняю рюмки.

Ты пьешь коньяк,

ресниц сужая щель.

А ночью беспокойно спишь

И бредишь теплыми морями.

Вчера приснился солнечный Майами,

под утро – виделся Париж...

Бессильные желанья, жалкий кров,

немытая посуда киснет в мойке.

Весна, усталость, град Петров...

Последний месяц перестройки...

Площадь Искусств

Жду тебя – и ты придешь,
потому что жду.
Не уйду ни есть, ни пить,
ни справлять нужду.
Опоздай на место встреч
хоть на сотню лет –
на скамеечке тебя
встретит мой скелет.
Улыбается сидит,
беленький такой ...
Просто я умею ждать
как никто другой.

Екатерининский канал

За окном шуршит аллея
и канал блестит как сталь.
За окном опять темнеет,
и опять в гостях печаль.
Вас, вообще-то, не просили.
Мне такая не нужна –
как собака Баскервильей
молчалива и страшна.
Черный, черный, черный вечер –
перекрестие дорог.
Бесконечен и беспечен
одиноким кофейем.
Эта жизнь – такая бяка,
что легко идти ко дну.
Посидим, печаль-собака,
да повоем на луну.
Завтра будет утро злое.
Черный вечер ждет опять.
Приходи – опять повоем,
а пока что нужно спать.

Больница имени Ленина. В.О.

Под окном палаты
 крыша морга.
Близко так, что руку протяни ...
У ворот помойка,
 чья-то «Волга»
и забор.
За ним огни ... огни.
И на этой
 жестью крытой крыше,
у которой есть что укрывать
(отдышавших – от того, кто дышит),
голубей сидит – не сосчитать.
На ветру расхристанные птицы
облепили ближний к нам уступ,
ржавый сток, разрушенные кницы
и торцы недействующих труб.
С воркованьем птичьим – веселее,
невозможно верить, не любя.
От мучений мужики мягчают,
щедро кашу сыпя голубям.

Потому облюбовали птицы,
площадям просторным изменив,
крышу морга питерской больницы,
жизнь и смерть в единый
 узел свив.

Адмиралтейство

Расхристанное облако летело,
гоняя тень по невскому стеклу.
Иглу адмиралтейскую задело,
подумало – и село на иглу.
На окнах засветились занавески,
сгущается фонарный полумрак.
Опав, галлюцинирует над Невским
пришпиленное облако...

И так

не наше ли гнилое поколение,
на старте оборвавшее полет,
иллюзиями тешась,
без движенья,
не верит, не желает, не живет...

Станция метро «Лесная»

Я ждал на станции метро.
Плыл эскалатор, поднимая
из недр людей.
Была «Лесная»
пуста.
Один я. Не считая
двух скукой спаянных ментов.
Из чуть подсвеченной дыры
лились, сливаясь, людские лица
(как фотороботы в милиции)
народца северной столицы,
милы, устали иль бодры.
Я не умею долго ждать.
Наверно, много ожиданий,
несостоявшихся свиданий,
в очередях глухих стояний
пришлось пройти и испытать.
Глаза устали.
Отведя
от лиц, всплывавших вверх из низа,
я проклял женские капризы,
и в ту ж секунду у карниза
я

наконец

нашел тебя.

Финляндский вокзал

Вокзал. Путь стальных оков.
Туман утреннего муть.
И электричка на Сосново –
за зиму подзабытый путь.
Платформа. Лужи на асфальте.
Парок, крутящийся у ртов.
Но воробей, адепт Вивальди,
чирикать целый день готов.
Ты вместе с ним апрель встречаешь,
и беспокоясь, дурачок,
осенним сердцем ощущаешь
весенний радостный толчок.

Белая ночь

Белой ночью злые дали
в Петербурге спать не дали.
Свет сквозь шторы,
мутный свет
по глазам –
нет сна, привет.
Как же с ночью быть бессонной?
Позвонить по телефону.
Все равно, где зазвонит –
кто же ночью белой спит?

Пригород

Я жив,
как жив листок березы,
поскольку на дворе стоит июль,
поскольку далеки еще морозы,
и Аквилон запрятан в ридикюль
седой слезливой взбалмошной старухи,
гуляющей от Токсово вдали
и дарящей известную непруху
другому полушарию Земли.
Заходит солнце, мягко,
словно кошка.

На столике Дюма или Пикуль ...
Как сладко всё же, сидя у окошка
Вдыхать зеленый питерский июль
И размышлять, сверяя наблюденья,
О возрастной загадочной меже,
О смысле жизни, о предназначенье,
Об осени, что в общем-то уже ...
... Береза за окном отдалась ветру.
Ретив и резв, задрал зеленый лиф
и ввергнул в ностальгическое ретро
меня их стон – и чист и похотлив.
При мне любить?

Но если мир их светел,
но если в небе месяц молодой ...
Им нужен я, как зритель, как свидетель
на свадьбе скоротечной и хмельной.
А значит, жив я.
Чувствую я, помню ...
Рифмую вдруг,
кропаю длинный стих.
Хоть полшестого и не ровня полдню,
не сам люблю – так радуюсь за них.
Накрою у окошка царский ужин,
смирновки хлопну, травкою заем.
Я жив еще, поскольку им я нужен –
наперсником, биографом ...
Хоть кем.

Англестер

Каждый наш,
он, конечно, чем-то болен.
То в одном месте, то в другом
болит.
Вот и лечишь ее,
эту боль, как всегда, алкоголем,
печень там, дистонию, отит,
простатит...
Мысль ночная одна,
да и та без подтекста.
Полуполный стакан –
криминальное чтиво –
мне спать не дает.
Черная женщина,
черная, с черным каре
и в черном глухом унисексе
рядом с койкой моей
Умой Турман встает.
Задрojiшь поневоле,
залепечешь:
– Как рад тебя я, милая...
Но суров и конкретен
ее агрессивный настрой.

За грудки потряханет
с небольшой, но ухватистой силою:
– Хватит квасить,
не то плохо кончишь, родной...
И, пошарив, найдет,
и початую с водкой бутылку,
повернувшись, несет
опрокинуть и вылить под кран...
Все взорвется в груди
и летит, чтоб попасть по затылку
черной гостье моей,
ограниченный стакан...
После ночи такой
утро будто затрещина.
Сколько будет еще
мутных комнатных утр?..
На постели сижусь.
Никого. Ни бутылки, ни женщины.
Я один...
И разбитый компьютер.

Стрелка В.О.

Незнакомка стоит у Невы
(Чьих кистей, о Мадонна?), на Стрелке.
Взгляд ее устремлен через воды.
Она лицезрит Эрмитаж.
Рядом я.

И глаза у меня –
две наполненных чувством тарелки.
Но для вида смотрю
сквозь нее,
лицезря Петропавловский пляж.

У памятника Бродскому

*Васильевский остров прекрасен,
как жаба в манжетах!*

Саша Черный

Только ё... ный просто,
с бодуна, твою мать,
на Васильевский остров
забредет умирать.

Есть места веселее
на болотах Петра,
мы ночной бакалеей
доживем до утра.

И назло всем Гудзонам,
всем, кто встал в стороне,
стайкой чаек гондоны
поплывут по Неве.

Станция метро «Площадь Мужества»

Олигархом вдруг стану когда-то:
поиграем в такую игру.
Улыбнись мне. Ведь скоро зарплата.
Разве я о любви своей вру?
Подарю тебе яхту и лайнер,
солнце Ниццы и лондонский смог.
И большим адронным коллайдером
проколю мой любимый пупок.
Улыбнись в серый полдень осенний.
Что же краше – сверканье пиастр
или взятый в метро на последние
мой букетик из розовых астр?

Сенная площадь

Скрываясь от чужого глаза,
от грубых окриков толпы,
изящный, хрупкий, словно ваза,
(или фаянец унитаза?)
Какой еще?
Ну как столбы
ростральные, –
такой же мощный,
начитанный, как Вассерман,
сумбурный, как Сенная площадь,
кладу я свой мобильник тощий
в глубокий внутренний карман.
Иду тропинкой сквозь сугробы –
к мечте, без денег и ветрил.
Моя любовь – высокой пробы,
вспорхнуть – взлететь – вниз камнем – во бы!
Жди, я лечу – я полюбил!

Станция метро «Академическая»

Город. Люди. Автотранспорт.
Снег. Кружение у метро.
Объявления. Транспаранты.
Грязь. Лоточки мастеров.
Песни бардов самопальных.
Пьянь. Пацанский пыл понтов.
И вальяжный вид brutальных,
ждуших повода ментов.
Одиноких, сиротливо
ждуших «этого козла»
наших девочек красивых
в злой косметике глаза.
Здесь
стареющим индиго
я стою.
Один как перст.
Ром – в стекле.
В кармане – фи́га.
Дурь – в башке.
На шее – крест.

Петропавловка

День, когда я уйду,
будет пасмурен.
Ночью
с неба будет идти
то ли дождь, то ли снег.
Петропавловки шпиль
так же остро заточенный
на свинце облаков
процарапает след.
Петербург равнодушный,
друзья изумленные,
дань отдавшие с горя
пьянящей лозе,
ненадолго на сером узрят
небосклоне
накарябанный ангелом
вензель – СЗ.

Моховая улица – Литейный проспект

За столиком кафе
 в час ранний, до полудня
я кофе горький пью,
 придя по Моховой
сюда, где мало кто
 в безделии по будням
сидит и кофе пьет.
 Ну, разве мы с тобой.
За зеркалом витрин
 бежит, гремит Литейный.
Он пробками забит
 на выезд и на въезд.
Отсюда два окна
 зашторенных, кисейных
так хорошо видны,
 и двери в твой подъезд.
У рыжих солнца луч
 обжег не только гриву.
Он сердце им спалил,
 особенно таким,
доступным не всегда
 и дьявольски красивым,
летающим во сне

и очень молодым.
Где бродишь ты теперь,
 мой рыжий одуванчик,
с кем кофе по утрам
 в кафе напротив пьешь?
Я только подсматрю,
 как это делал раньше,
когда не знал тебя,
 как мимо ты пройдешь.
Весна кипит и жжет,
 и рыжим будет лето.
Сгоревших – не разжечь
 весеннюю порой.
Ни фото, ни письма.
 И песенка допета.
Осталась память встреч,
 подаренных тобой.

Литейный проспект

Свет горит рассеянно
в зеркалах витрин.
По лотку Литейного
льется сталь машин.
Весь покрытый блестками фонарей,
увы! –
сжат простором Невского и седой Невы.
Но, в реке не тонущий,
он, назло волнам,
мост, как руку помощи,
перекинул нам.

Карельский перешеек

Елки да березы,
из трубы дымок,
комары, стрекозы,
в гриле огонек.
Сколько хочешь чуши
в болтовне – изволь:
как цветет чубушник,
йошта, каприфоль,
как компостить почву
и в какой момент,
кто приедет в гости
в этот уикенд,
как сварить крапиву,
где почище пляж,
чем их сорт красивей,
чем надежней наш,
как рецепт соседа
претворить в отвар...
Дачные беседы,
медный самовар.
... Душит галстук ворот,
тачка у ворот,
час езды – и Город.
Притаился. Ждет.

Московский вокзал

Хоть и был очень мал,
но Московский вокзал
я запомнил.

На Мурманск посадку.

Хрипло рупор рычал
в тусклый, с Лениным зал,
и душа умещалась в пятках.
Он теперь не такой,
он богатый, другой.
Только в памяти старым остался.
Сколько раз, сколько раз
уезжал, не на час.
И опять, и опять
возвращался.
Годы, годы прошли.
В старых джинсиках «Lee»
и немодных потасканных бутсах
на вокзал, как к врачу,
я иду и хочу
умотать,
чтоб потом не вернуться.

* * *

Что Петербург без флота –
болото, бренд, блевота,
без ночи белой календарь...
Аптека, улица, фонарь.

Антитуристическое

Житель Питера я,
 между прочим.
Турфирма, пургу не гони.
Скажу я конкретно, короче,
без вашей дежурной брехни:
– Зачем нам Багамы и Сочи,
когда есть на свете они –
короткие белые ночи
и длинные яркие дни.

Уикенд

Уикенд.
Два дня без будильника.
Застоялось пиво в холодильнике.
В вазе цветик.
А в баре коньяк.
Встречи час не наступит никак.
Где же ты, длинноногое чудо?
Мчишь куда за рулем и откуда? –
не положено папику знать
и вопросы тебе задавать.
Все равно ведь совершешь,
спору нету.
Лучше, старый, готовь ты монету,
тело юное баксом лови
и предайся продажной любви.
... Утро будет. Оконца сияют.
Питер сонный глаза продирает.
На востоке светило встает.
Нам – закат, ну а юным – восход.

Праздник «Алые паруса»

Светло окно, июнь в начале,
какие могут быть печали
среди белых питерских ночей?
Гони тоску с хандрой взашей.
Иди к Неве – и умиляйся,
как пляшут солнечные зайцы
на зыбких волнах у мостов.
Колонн ростральных, их костров,
когда горят они, явление
волнует, жжет. Стихотворенья
различных авторов твердишь
и свой к ним добавляешь стиш.
Ночь коротка, интима мало,
на горизонте парус алый,
и вот уж появилась тень –
подкрался новый звонкий день
и засветил меня с тобой.
Красавица, идем домой.

Токсово

Прощай,
мой старый загородный дом,
березы да рябины за окном,
с названием уютно-летним – дача,
не вилла, не фазенда – не иначе.
Карельский перешеек в крышах дач,
лесов, озер и речек, если с неба
глазами птичьими (былина или небыль?)
взглянуть.

Нет – поле поражений и удач
и отдыха от тяжких градских дел,
где шустрый кто и смелый –
тот и съел.

А где же шустрость взять,
когда седьмой десяток,
и канул в Лету денежный достаток.
Прощай,
мой старый загородный дом,
не нужен ты теперь ни мне, ни сыну.
Вся выручка пойдет на медицину.
В глазу слеза, и в горле зреет ком.
Он ждал меня!
Не женщины и дети,

когда я вспоминал о теплом лете
в арктических морях и стыл в походе.
Пришел капитализм, а мы уходим.
Прощай.

Служи теперь хозяевам другим.
Здесь дети будут бегать
и старушки
за ними наблюдать.

И их макушки
на косяке дверном отмеривать
и им, смеясь,
показывать в год следующий это –
как подросли за зиму и за лето.
И доставать лопаты из сарая,
сажать цветы,
костер в саду сооружая
из прелых листьев.
Красный червячок,
отрытый в грядке – мигом на крючок,
и вот уж удочка готова –

и в пруду
ждет очередь из рыбок,
на дуу
попасть готовых.
Крошка из буханки –

нырк поплавок! –
и плен в стеклянной банке.
Да мало ли чего еще на даче –
кататься по лугам

в седле на старой кляче,
а ягоды, грибы, футбол – не перечесать,
что дача дарит. Если деньги есть!

А приезжает мама, тащит папу,
друзья, шашлык, пинг-понг и городки,
кусты смородины, клубничные рядки.
И пес, вертя хвостом,

протягивает лапу.
А за дорогой до пенька знакомый лес.
Но все же он знаком до половинки,
и есть в нем незнакомые тропинки.

... Да не забыть бы завтра мне сходить в
собес.

Последний раз забудусь летним сном,
залив костер,

пожитки бросив в сумку,
наутро – в Питер.
Мячик рухнет в лунку.
Прощай,
мой старый загородный дом.

Фурштатская улица

Любила его и любила другого.
И в загсе, на свадьбе свершила минет
не мужу пока что еще – а другому
в кладовке,
но как бы пойдя в туалет.
Потом рядом с этим,
при полном параде
в фате,
на Фурштатской прохрюкала «да».
Не плачь.
Все такие же, собственно, – бляди.
Не лучше, не хуже.
Утрись, ерунда.

Набережная Кутузова

Обгорев на солнце Крыма
до безумия, до дыма,
проклиная здешний зной.
Очень хочется домой
в золотую нашу осень,
у берез бродить и сосен,
меж решетчатых оград
протранзитить Летний сад,
и на спуске у Невы
пробубнить себе:
– Увы!
Сплюнуть с парапета.
– До свиданья, лето.

1965 год. Греческий проспект

Три школы,

прилепившиеся к скверу –
плацдарму игр мальчишеских и драк
после звонков, задачек и примеров, –
где самым грубым словом был «дурак».

В Прудковском скверике
на Греческом проспекте,
обычно называемом Прудки,
Царь будущий и будущий Директор
друг друга похватили за грудки.
И поваляв противника в сугробе,
свой путь избрали, потеревши лбы.
Директор сделал шаг к матросской робе,
Царь записался в секцию борьбы.
В семидесятом школы завершились,
а в девяносто первом квакнулся Союз.
Пути двоих ни разу не скрестились,
в Прудках иной завелся карапуз.
Россия завертелась в азарте,
где каждый мучил мозг –

куда идти?

... Как прихотливо разложились карты,
как скверик вывел векторы пути.

Песенка о трамвайном проспекте

Девушка бежит через дорогу.
По дороге шествует трамвай.
Кто быстрее: ее на шпильках ноги
или все же ... все же ... все же ...
Ай!
В листопаде отдельно шпильки,
голова с МРЗ в кустах.
Я надеюсь, у вас поджилки
затряслися.
Увы и ах!
Объясните тем, кому вы любы,
где и как проспект переходить.
Подчеркните, что в театре, баре или клубе
шпильки можно тонкие носить.
Правила в них вбейте и законы
перед тем, как падать на кровать.
А МРЗ, кстати, нужно слушать только дома,
чтоб другим таким же не мешать.
И тогда все у вас случится,
убедитесь, что вы – правы.
Жизнь у вас до ста лет продлится,
и в один день помрете вы.

Гостиный Двор

У Гостиного Двора,
на углу Садовой,
в славной шубке из бобра
у машины новой
плачет девочка в очках,
озирая тачку,
в зябких мучая руках
мелкую собачку.
Что случилось? Боже мой!
Чем помочь болонке?
А, да это постовой
прав лишил девчонку.

Летний сад

Июль сбежал,
сверкая пяткой босой,
и в Летний сад,
уютно шелестя
листвой опавшей, тихо входит осень,
за свой приход прощенья не прося.
И по ночам,
дрожащие и злые,
на дождик по латыни сыпля брань,
на бюст античный
статуи нагие
накидывают мраморную ткань.

* * *

Без солнца, без удобств и без наград
живем мы здесь неплохо и поныне.
Завидуйте!
Нам целый мир – пустыня.
Отечество же – город Ленинград.

Андре нарисов

Кубинские малолетки

*Тегеран — 2003.
Посольство.
То самое*

*Били мы шведов невзирая на их
пушки.
Стокгольм*

Моя радость
и гордость-новый
русский человек, стро-
итель нового государства
...Товарищ! Знай и верь
то ты-самый необходимый
человек на земле. Делая свое
маленькое дело, ты начал
создавать действительно
новый мир."

М. Горький

Вот такая хрень в Ялте

Записываюсь в добровольцы

Над картою Санкт-Петербурга

Где-то есть

Сан-Франциско и Кинешма,
Ливерпуль, Картахена, Бомбей...

Питер есть –

город старта и финиша,
центр мира, начало путей.

И захочешь уехать, но вскорости,
как тебя не влекли бы моря,
возвращаешься

с бешеной скоростью,
между рифами не стопоря.

Вспомнишь Пушкина и Баратынского –
сердце в дали морской защежит.

Петербург – ты подкова у Финского,
ты – подковообразный магнит.

Юрмала

В фиолетовом сумраке бара
пьют коктейли веселые пары.

Пьют коктейли,
дымят сигаретами,

голосами звенят и монетами.

Стон усталых гитар до рассвета,
и в разгаре курортное лето.

Чуть бокала коснись –

все возможно,
все возможно
и очень несложно.

Подойди,
опустись с нею рядом,
обменяйся всего одним взглядом,
прикури от ее сигареты...

Все возможно в курортное лето.

Через Датские проливы

Снова судно откланялось порту,
вод балтийских лежит коридор,
и в тумане по левому борту
проплывает седой Эльсинор.
Холодящая зыбь океана,
а потом все теплей и теплей ...
Вот прекрасный, как краски Сезанна,
жаркий берег далеких морей.
Вот вам порт с экзотичным названьем
и прекрасные знойной порой
высь пронзившие белые зданья
у фонтанов с журчащей водой ...
Но величие дуврских утесов
и романтика хмурых морей
не заменят курносого носа
и веснушек девчонки моей.
Не заменят березовой рощи,
что являться мне стала во сне ...
Нет водицы вкуснее и проще
той, что ждет на родной стороне.

Атлантика

То над мачтой качаются звезды,
то вдруг радуга, тая, звенит,
мчась от штевня
сквозь светлые гроздья
брызг соленых
в слепящий зенит.
В голубой акварели пасется
разноцветный подводный народ,
альбатрос в одиночестве вьется ...
И грустит на корме мореход.

Романтики

Парус, ветер, палаши.
В океане ни души.
Только дурни в плаваньях –
все в портах и гаванях.
Не дожить нам до седин,
истин много, путь – один.
И презрев опасности,
ищем цель и ясности.
То, что мы в трудах найдем,
управляя кораблем,
вряд ли нам достанется –
всем, всем, всем останется.

Париж и Лондон

Сообщаю: был в Париже,
для проформы и престижа.
Пил. Но там не пошалишь.
Чуждый город нам – Париж.
То же в Лондоне. Паскудно.
Жить там можно, только трудно
в этом самом политесе
олигарху и принцессе.
Обобщаю: и в Париже,
и на Темзе – жечь и грыжа.

Варшава

Есть еще один Качински,
есть еще у вас Квасневски.
Не хотите ли вы тоже
побывать у нас в Смоленске?

* * *

Помолчим
в безмолвии февральском.
За окном тоскливые огни.
Воронье на липе по-малайски
каркнет нам
про питерский магнит.
Есть в молчанье прелесть созиданья
чувств ли, мыслей, будущих ли дел,
и пролог свиданий-расставаний,
и дорог, которых захотел.
Помолчим.
Вдвоем молчать сподручней.
Улыбнись мне –
я тебе в ответ.
Одному молчать бывает лучше
только если туч на небе нет.

Ленинград – Картахена. 1977 год

Нас было трое на борту из полусотни.
К Америке бежал, шторма презрев,
кораблик, в памяти встающий как сегодня,
гражданский, но под флагом ВМФ.
На третий день закончилось зелье.
Семь месяцев пришлось мотать на ус
науки флотские. Ведь шли с научной целью –
подлодкам подготовить верный курс.
И вахту нес меж нами бдящий орган –
на судне шли (не выгонишь взашей)
и замполит, и особист с комсоргом,
и дюжина отпетых стукачей.
Но вот вода закончилась с крупую.
Машины завинтили полный ход.
В Колумбию! У стенки суток трое –
«добро» радировал нам Питер на заход.
По одному нас вызывал чекист серьезный.
Он инструктаж давал на случай, если вдруг
слинять захочет кто-то, неосознанно,
а может, нет. На пушку и испуг
пытался взять нас и рекомендательно
учил, как избежать заморских чар
и гражданам советским несознательным

бить фейс, кося под солнечный удар.
Противно было. Но в финале жены
нас ждали, вождеденны и наги,
чтоб ночи жаркие их оплатить за боны,
одеть затем в тряпье и сапоги.
Все трое мы уволились. Не зная,
что ждет нас дальше. Видимо, беда.
Но не убожество советского соц.рая,
что в памяти осталось навсегда.

В гостях у сказки

Ах, мечты.

Если жизнь, как по нотам,
и назойлив начертанный путь,
как-то хочется с плеском в болото
петербургское

жабой нырнуть.

И на кочке, в глухом переулке
ожидать, чтоб пустила стрелу
наша баба с точеной фигуркой,
оседлавшая ловко метлу.

Пусть найдет меня

в зарослях топких

и согреет меня у огня,
поцелует смущенно и робко
и полюбит, полюбит меня!

Питер – Москва

Разметелило, раздуло,

снегом сузило глаза.

Зодиак – и тот согнуло,
словно обод колеса.

Поезд – старого пьянчугу
не смущает гололед.

По Москве бродяжит вьюга,
в Петербурге дождь идет.

Три сестры недорыдали,
но попали прямо в цель –
убежала, убежала

после дождичка – в метель.

По столице, по столице,
недоверчивой к слезам,
улыбаясь, бродит Львица,
асцендентная к Весам.

Очень гулко, очень звонко,
беспокойно в голове –
петербурженка, девчонка,
что ты делаешь в Москве?

На Арбате – злые дяди,
в небе – Черная Луна.

Сохрани тебя, Создатель,

даже если не одна.
Что тебя от дома гонит?
Кто на ушко говорит?
Что-то гонит, Питер тонет,
А Москва горит...горит...
Слушай, если разобраться
и спокойно посмотреть –
лучше в море искупаться,
чем бессмысленно сгореть.
Вьюга воеет, воеет волчы
и заманивает в глушь,
и хохочет, и морочит,
и нашептывает чушь.
Вьюга кружит, вьюга воеет,
и гнильем воняет гном,
трупно вздувшийся от гноя –
город, проклятый Петром.
Кремль. Глупая царь-пушка.
Звезд повешенных багрец.
Ошалевший в бронзе Пушкин,
Полу-Лев, полу-Близнец.
(«Угораздило родиться...»)
В Питер зимний – умирать!
Угораздило влюбиться –
Дуракам везет. Опять.

Чье-то щучье веленье,
заметенная верста.
Ускользнувшее виденье,
убежавшая мечта.
Что ты мне твердишь про карму,
про еси-на-небеси...
Привокзальную цыганку
о любви порасспроси.
Не чертя тригоны, дока
подтвердит тебе, изволь –
ждет красавицу дорога
и крестовый ждет король.
Что еще тебе, прохвостка?
Рая? Адского огня?
Может, выйти на подмостки,
чтоб заметила меня?
Вьюга голову морочит,
может год, а может три...
На меня глядеть не хочешь,
так на звезды посмотри.
Вот Медведица Большая,
вот Полярная звезда
целомудренно мерцает.
Питер – там, тебе – туда.

К полудню зной заполз в мое оконце.
Крым, южный берег – что тут говорить.
Все чересчур.
Здесь слишком много солнца.
Здесь фрукты хорошо в садах растить.
Но делать что-то северному люду,
вареному на медленном огне?
Как Чехов здесь писал? А Грин? –

Откуда
рождались строки,
 непонятно мне.
Здесь даже дев изящные обводы,
окрашенные в местный шоколад,
не ранят сердце в жаркую погоду,
не трогают и не цепляют взгляд.
Вот Питер – да. Там блеска не отнимешь
его красавиц, коих много знал.
Пока с нее, волнуясь, все снимешь,
считай, прелюдию и фугу отыграл.
Рекомендую всем я птичий метод ловкий.
Коль рыбку хочешь и на елку влезть,

летите к загорелым – на зимовку,
весной – на Север.
(Если деньги есть.)

Южный берег Крыма (ЮБК)

Жизнь приятна и легка,
Если ты на ЮБК.

Севастополь

Тихий океан

Где-то, где-то на Бали
ходят люди голые.
А у нас лишь воробьи,
воробьи да голуби.
Там у пляжа океан,
пальмы с попугаями.
Здесь же – с водкою стакан
да вороны стаями.
Там – захочется домой
через пол-Земли.
Наши птицы и зимой
не летят к Бали.
На три месяца в году
и у нас есть пляж.
А захочешь какаду
или пальму аж –
так купи и не юли.
В кухоньке своей,
улетая на Бали,
водочки налей.

Вьетнам

Я скучал по березкам и пихтам.
Пляж Вунг Тау забрызгал прибой.
И мечтал встретить девушку ихнюю,
но с роскошной русой косой.

«Сайгон» и Сайгон

«Nevermorte» – прокаркала ворона.
«Никогда» – но снова в море след.
От кафе «Сайгон» и до Сайгона
тридцать с лишним невеселых лет.
Вновь походные одеты гетры,
под крылом земля и небосклон.
Дальний путь по времени и ветру,
аэробус, тачки и паром.
Год семидесятый. Мы на карте
знали, где находится Сайгон.
Там стреляли янки. Мы с азартом
рисовали лозунг «Go home!»
А затем под вечер шли к «Сайгону»,
маски сняв, цензуры сбросив пресс,
где срывали глупую корону
ВАКСМ с КПСС.
Кофе вперемешечку с портвейном,
Невский и веселые друзья.
Образ жизни строгий и рассеянный,
юная подруга, юный я ...
Возврат не скостить. Редуют кроны,
налились грозди у рябин.
Нет кафе «Сайгон» и нет Сайгона –

есть вьетнамский город Хо Ши Мин.
Нет гардемарина, нет Танюшки.
Есть в дурных iPad`ах новички,
с молодыми взглядами старушки,
с патлами седыми старички.
Я брожу по улицам Сайгона,
удивляюсь, весел и игрив.
Не в кафе, так в городе.
Мадонна,
... значит, я еще пока что жив.

* * *

Когда-то, когда-то, когда-то,
в туманном таком далеке,
я стройный, веселый, усатый
валялся на пляжном песке.
И девушка юная рядом
лежала и шурилась в синь,
и дни проходили парадом,
и вечной казалась жизнь.
Редуют листочки на кроне,
и правит свой бал листопад.
В Гаване, Гель-Гью и Сайгоне,
где б ни был я, помню – и рад,
что в Питере нашем когда-то,
в туманном таком далеке,
любил я, веселый, усатый,
девчонку на пляжном песке.

Анатомия любви

Вниз косичка у Аленки
пролегла до селезенки.
Это левая, а справа
достигает до печенки.

Куба

– Что там вдали, капитан,
утренней дымкой заносит?
– Куба, зеленый банан,
лежит на Карибском подносе.

– Вижу сиянье вершин.
Кто это с волнами спорит?
– Куба, летящий дельфин,
вольно резвящийся в море.

США

Гой ты, Русь моя родная,
что потупила глаза?
Где же рать твоя святая –
напугала рать гроза?
Хлеба нет и нет тушенки,
грустно вилке и ножу.
В пустырях незавершенки –
недовольный я брожу.
По церквям поют уныло,
образа торчат в чаду.
Лихо машет поп кадилом:
– Верь, не то сгоришь в аду.
Ладно, верю я в Мессию,
и за совесть, не за страх
верю в новую Россию
и твержу в очередях:
– Если грянет гром набата,
не сменю на Штаты Русь.
Я скажу: «Не надо Штатов,
лучше в Питере загнусь!»

Великобритания

Плохо преподали
в школе мне английский:
фак ю, перестройка и гуд бай, Балтийский.
Скоро, скоро стану
гражданином мира,
буду объясняться языком Шекспира.
Помогать по мере ихнему народу,
кушая овсянку, улучшать породу.
Похожу по пабам,
к Полу съезжу в виллу,
поэтесс британских обучу пить шило.
Где-нибудь по центру
Гримпенской трясины
подарю герле их я платочек синий.
Миру – мир,
а значит, так я разумею:
каждой Айседоре
надо по Сергею.

Латвия

Чтоб сбросить быстро лишний вес,
вступила Латвия в ЕС.

Кавказ

В бескрайней мгле

исчез великий город.

Опять вдали от неvkских берегов.

По горизонту горы, горы, горы –
безмолвные свидетели веков.

Как непривычен питерскому оку
трехмерный мир.

Как радостно с высот
взглянуть в ущелье, где бегут потоки
и замер скал порывистый полет.
Высокий мир прощенья и возмездья.
Мерцает как заточенная сталь
пронзившая далекие созвездья
очерченная тонко вертикаль.
Кавказ, Кавказ, старинная преграда
гостям незванным. Видимо, сродни
его снега болотам Ленинграда
в кровавые отчаянные дни.
Года летят,

все с большим ускореньем ...

Но эхо под обломками хранит
и пули свист, и вечных рифм рождение,
и плач зурны, и звонкий смех Лилит.

Бескрайность вертикального простора,
небес бездонных солнечный покров,
высокий мир, доверенный нам, – горы,
русских бардов первая любовь.

Украина

Все тусклее огонек горелки.
Тоньше газа струйка из Руси.
Для сугрева – сало и горилка.
Младший брат,
ты старшего – прости.

* * *

Было, было. Помню, помню.
Вечер. Персик на столе
и девчонку эту, соню...
Аромат полей цветущих,
мурашей, в пруду плывущих
на бумажном корабле,
цокот дачного пинг-понга,
ты – смеешься, я – пою.
Вдоль Меконга, через Конго,
ледяным проливом Лонга
светит лунная дорожка,
манит, манит из окошка
от Каперны до Гель-Гью.

Окаянные дни

*Группа «Five Without Head»
1979 г.*

*Мыс Желания.
Новая Земля*

*Петербургская икебана
(в Михайловском саду)*

* * *

Бессмертен Блок.
Он нам – начало.
Все повторяется опять:
ночь, ледяная рябь канала,
общага, женщина, кровать.

Старая история

Я молод был. Я рвался в море.
Я переделать мир мечтал.
Но вдруг на счастье и на горе
Наину взгляд мой повстречал.
В глазах всё пылало и пылало.
Её, как небо возлюбя,
признался ей. Она сказала:
– Курсант, и я люблю тебя.

Я стал её. Я бредил счастьем.
Я обо всем ином забыл
в объятьях трепетных и властных,
и сын наградою нам был.
В семье черпал источник силы,
но как-то, встретив с корабля,
Наина вдруг мне сообщила:
– Моряк, я не люблю тебя.

Я рухнул в ад. Захотела
вослед мне ведьма – и пропала.

Немой души не слышно крика,
на помощь не приходит друг.
Луны печальную гвоздику
пришпилил вечер на шпартук.
Усеял улицы теньями,
в окошки тусклые проник
и развязал кисет со снами ...
Как он тяжел – прозренья миг.

Но все проходит. Время лечит.
Души измученной глубин
не надо изучать под вечер.
На свете много есть Наин.
И помоложе, без сомненья.
Их взгляды жаркие лови.
Как сладок миг выздоровленья
от тяжелой немочи любви.

Живи же радостями всеми ...
А как приятно в нужный час
сказать осточертевшей ведьме:
– Мадам, я не достоин вас.
И засмеявшись, испариться,
Чтобы, слегка перекурив,

не то чтоб заново влюбиться,
но не чураться стройных див.

Жизнь есть любовь.
Не только к Богу.
И с ведьмой юною греша,
иди вперед своей дорогой,
пока что молода душа.

Катрен

Рост профи ужасно понизился.
Незримый финал приблизился.
И там, где была Система,
сегодня всего лишь схема.

* * *

Нежелание – выражение неможения.

М. Веллер, «Бомж»

Не могу.

А думаю – возможно
путь с таким же рвением продлить.
И продлил бы, но весьма тревожно
напряглась тугая жизни нить.
Ослабели руки,

тусклы взгляды,
страшно спать,
еще страшнее днем.

И тоску наводят листопады,
а весна, как девушка с веслом –
не захочешь,
даже если сможешь.

Мудрость книг с ТиВи
проели плешь.

Так приходит
с постной глупой рожей
пенсионный старческий рубеж.

Миледи

Изменять, конечно, можно.
Предать – бесчеловечно.
Ты была неосторожна,
мне в любви поклявшись вечной.
И солгав отнюдь не в малом,
изливала ведра паток,
но отравленным кинжалом
целясь мне между лопаток.
Все бы было тихо, втуне,
все бы было очень мило,
но Господь или фортуна
твой удар предотвратила.
А теперь ты смотришь зверем,
как миледи на Атоса.
Что ж.
Тебя отделаферю,
а потом оставляю с носом.
Наше будущее ясно –
я тебя в стихах прославляю.
Не на плечике прекрасном,
а на лбу клеймо поставлю.
Наколю на шпагу лифчик,
сувенира лучше нету,
и пойду, свистя мотивчик
Мерлезонского балета.

* * *

В винегрете ликом сомелье.
Веселясь, доели оливье.
Торт, петарды, тосты, торжество:
Новый год – застолье – Рождество.

* * *

*Строителям нового Петербурга
посвящается*

Ночь темна и длинна.

Лишь трехцветия
светофоров,
гробы сетевых
магазинов,

как знаков столетия,
чтобы мы не искали иных.
Что же делать нам, Господа рекрутам,
где Петра да и Ленина град,
где лежит снег по самое некуда
и машины в сугробах стоят.
Бесполезные доводы лекций,
туристический Невский проспект,
телебашни игла для инъекций
и газпромовской башни проект.
Безысходность – бездомным собачкам,
голубям городским.

Зрелищ блёв.
Можно было б, конечно, иначе,
но зараза проникла под кров.
Дом теперь – не святое, не крепость.

И растут, и ползут, как грибы,
человечьи надменные склепы
выше Ангела, выше иглы.
Поздно, поздно! Пришла пандемия.
Отворяй ворота. Будет лих.
И не лучше иных ты, Россия,
и не лучше ты, Питер, иных.
Ты теперь – шаверма и помойка.
Что осталось? – осесть нам на дне
иль, стаканы наполнив,

на стройке
под закуску
пропеть гимн чуме.

* * *

В океане вода – вечно зелёная,
на опушке ёлка – вечно зелёная.
Тузенбах я или Солёный,
но такой же – вечно зелёный.

Выстраданная сентенция

Если жить, то жить – не понарошку.
Дам совет – другие не дадут.
Никогда не заводите кошек.
Кошки всю квартиру обосрут.
Продолжаю.
Если тити-мити
есть у вас, то жизни – не капут.
Только жен себе не заводите.
Жены всю малину обосрут.
Завершаю.
В мире этом дети
и без жен родятся там и тут.
Вам не жить тогда на этом свете.
Вашу жизнь
детишки
(догадайтесь!) обосрут.

* * *

И Муж хорош.
И Он хорош.
Но Он – в иных ветрах.
Нестройный хор
неверных жен
звучал в ее ушах,
когда она за поворот
к Нему в ночи плыла.
Простим им. Сами-то...
 вот-вот,
крестясь на купола.

* * *

Когда ты, дура, все раздела,
что на тебя, дурак, одел,
увидел праздничное тело,
ну и, конечно, захотел.
Мы кувыркались и хрипели,
гремела с молнией гроза.
И были мы с тобой в постели,
как муравей и стрекоза.
Ну, а наутро ты взлетела
и улетела в никуда.

Ее я вспоминаю тело,
взлететь хочу – да вот куда?

Из Кронштадта в Калифорнию

«Юнона и Авось»-2

Кончита в ожидании Резанова
взрослела, но блюла обеты –
ни с кем, а надо бы всё заново,
иначе – очень вредно это.
За тридцать лет борьбы с судьбою
мужинойю сублильным стала,
обзавелась усами с бородою...
Но петь она не перестала.

Как упоительны...

Наша Таня горько плачет –
муж нажрался днем на даче.
Чуть вздремнул он – и опять
ночью бодро начал жрать.
А жену, как мог, утешил:
приласкал, лапшу навешал –
типа, рядом полежу,
ну а утром – завяжу.

Парагвай

Никогда я не был в Парагвае.
Ты меня не спрашивай о нем.
На работу езжу я в трамвае.
Так что тему эту мы замнем.

* * *

Самолет летит на юг.
У меня в глазах испуг.
Кто же с севера летает
без нужды туда. А вдруг?

Ангел по небу летел,
от земных избавясь дел.
Разминуться с самолетом,
к сожаленью, не сумел.

И теперь он не летун,
так, на паперти болтун.
Я теперь не верю в чудо
как тогда, когда был юн.

Ангел к вечеру зайдет.
Он со мною водку жрет.
И на небе не поможет,
и на травке подведет.

Бог один лишь нам судья.
Надо жить весь мир любя.
Не на ангелов надеясь –
полагаясь на себя.

Письмо в Лондон

Ты где-то далеко, за тридевять земель.
Каникулы – тебя и потянуло.
Заморским ветром как бы не продуло,
не закружила б насмерть карусель,
которая и стойкого сметет.
Тебя же – голова два уха –
не сбережет, пожалуй, и товарищ Сухов,
хоть я ему и дал бы пулемет.
Здесь так же хорошо – березы да трава,
щебечут птицы и ползут улитки.
Но без тебя часы длинны и липки
и беспокойно ноет голова.
Пока ты там одна, да за границей, –
трясись теперь за эту Гюльчатай.
И пусть другие открывают лица,
ты личико другим не открывай.
Там файв-о-клок. Тебе подносят чай.
Тоска и ревность. Лишни эти строки.
И так трещат без умолку сороки.
Порву листок.
Good buy, my love, good buy.

* * *

Увяз в ТиВи, в программах развлекательных,
и понял для себя я, дуралей, –

нет женщины настолько привлекательной,
чтоб не было другой еще милей.

* * *

Поцелуй французский или минет
хороши, пока продолжают.
Жизнь в оргазме злом зарождается.
Только тот поэт – кого нет.

* * *

Солнце, да ели. Дымок из трубы.
Съели клубнику, но скоро грибы.
Лета макушка, на спад поворот.
Осень наступит, потом Новый год.
Снеги растают, полезет трава...
Вот ведь на свете какая мура.

* * *

Возьми любую в нашей Раше –
сплошные Лены и Наташи.

* * *

Как невозможны старость без седин
и лоб творца без яростных морщин,
как невозможен Киев без майдана,
так невозможен в Питере нацизм.

1972 год

Он был мечтатель темноглазый.
Она девицею была.
Он ей в любви признался сразу:
она с ума его свела.
Не обещая слишком много,
он пожениться предложил.
Но тут приехал негр из Того
и все по-своему решил...
Мечтатель с крохотной зарплатой
любил промозглый Ленинград.
А в Того той – влиянье Штатов,
бананы, виски, виноград...
Она экзотики хотела
и все ненашенское чла,
хотя и был мечтатель белым,
она тогийца предпочла.
Она вещички собирала
и письма друга в кухне жгла.
Потом «прости» ему сказала
и к негру черному ушла.
Ее умчал воздушный лайнер,
унес любимые уста,
и, страшно женщин проклиная,

мечтатель бросился с моста.
Он утонул.
Она узнала
нескоро –
мавр письма рвал.
Узнав, опять «прости» сказала,
втыкая в ниггера кинжал.

Она рыдала долго в спальне
(роскошной, с видом на реку).
Затем пошла к высокой пальме
и удавилась на суку.

* * *

Врач запретил есть эскалоп,
коньяк лакать.

Любить посылно
жену, а девушек субтильных
ни-ни!

Пустая говорильня:
врачи – постель – кончина – поп.

Скромней стал мой автомобиль –
комфорт важней, коль драйва нету.
Коня меняешь на карету,
медяк – на звонкую монету,
Шеврез – на юную Лонгвиль.

Неравный не закончен бой
с врагами, с возрастом, с судьбой.
Один Господь даст финиш бою.
Создатель создал нас с тобой,
чтоб жизнь была сплошной борьбой.

А посему – ешь эскалоп,
лакай коньяк, люби посылно
жену
и девушек субтильных

в постель своею говорильней
влеки.

Грехи отпустит поп.

* * *

Вот тема – от нее не отвертеться.
Я обращаюсь к мальчикам седым.
Зачем в финале тянет к малолетству,
конкретнее, к девочкам молодым.
Я рыл себя, искал первопричину.
Есть версий пачка – предпочел одну:
пока себя ты чувствуешь мужчиной,
не хочется еще идти ко дну.
А дальше по Набокову («Лолита») –
мне нравится лишь с юной девой быть.
На том, считаю, прения закрыты.
С чего бы старых должен я любить?

* * *

Собираю бутылки я,
старый засранец,
монеты лопатой гребу.
Я счастлив, что я – ленинградец
и в городе славном живу.

* * *

Я ненавижу Ленинград.
Там, где под небом голубым
у черных кованых оград
ты целовалася с другим.

Рекомендация к известному завещанию

Кот, осел и мельница –
в общем-то, безделица.

Если б это одному –
счастье было бы ему.

Эта же безделица
на троих не делится.

Раз уж сделал трех парней –
сеять рознь средь них не смей.
Надо было все продать,
деньги поровну раздать.

Коммуналка

Оптимистическая трагедия

Как любят женщины животных –
Тебя не любят, им же – рай.

Роняет шерсть кобель охотно.

Кот срет, скандалит попугай.

Грустишь в вонючем этом зоо.

Но... 1) не владеешь ты конем

2) козы нет в доме и коровы

3) и свинки лишь морские в нем.

Ленобласть

Погоды нынче знатные.
Любовь пришла вчера.
Коньяк на сеновал занес
предусмотрительно.
Не знаю я,
как в целом по России вечера,
но в Ленинградской области
уж точно – упоительны.

Косая линия В.О.

Посвящается Бывшему поэту

Если мне бы не мешали
братаны и генацвали,
бабы, водка и ГБ,
я, как в песенке «Любэ»,
не вопил сейчас «Атас!»,
а спокойно пил бы квас
после смены у завода,
выезжал бы на природу,
не читал бы их газет,
уважал велосипед,
не гонясь за иномаркой,
собирал в альбомы марки
и детей в кино водил.
В общем, жил бы, как debil,
из совка не вылезая,
на метро и на трамвае
проложив один маршрут.
А сейчас я просто шут.

И бессильная – рука,
Невесомая – строка.

* * *

Душа – какой-то устаревший термин.
Но есть она, куда же без нее.
С больной душой в больнице плачет Германн,
в казенное закутавшись белье.
«Душа болит», – шепнет на смертном одре
Болконский-папа верному слуге.
К чему бы я.
Да видно, скоро ордер
дадут и мне вот – старому карге.

Душа моя готовится к отлёту,
к переселению в облачную высь.
А дальше вниз, опять к земным заботам.
Не верится. А ты не торопись.
Скажи, зачем вдруг розовые кони
мне снятся, пьяный врач-хирург...

... В какое тело душу мне загонят,
Заставив позабыть Санкт-Петербург?

Содержание

БЕЛЫЕ НОЧИ

Улица Маяковского.....	8
Невский проспект.....	9
Улица Отважных.....	10
Площадь Искусств.....	12
Екатерининский канал.....	13
Больница имени Ленина. В.О.....	14
Адмиралтейство.....	16
Станция метро «Лесная».....	17
Финляндский вокзал.....	18
Белая ночь.....	19
Пригород.....	20
Англестер.....	22
Стрелка В.О.....	24
У памятника Бродскому.....	25
Станция метро «Площадь Мужества».....	26
Сенная площадь.....	27
Станция метро «Академическая».....	28
Петропавловка.....	29
Моховая улица – Литейный проспект.....	30
Литейный проспект.....	32
Карельский перешеек.....	33
Московский вокзал.....	34
«Что Петербург без флота –...».....	35
Антитуристическое.....	36
Уикенд.....	37
Праздник «Алые паруса».....	38
Токсово.....	39

Фурштатская улица.....	42
Набережная Кутузова.....	43
1965 год. Греческий проспект	44
Песенка о трамвайном проспекте.....	46
Гостиный Двор.....	47
Летний сад.....	48
«Без солнца, без удобств и без наград...»	49

АЛЫЕ ПАРУСА

Над картою Санкт-Петербурга	56
Юрмала.....	57
Через Датские проливы	58
Атлантика.....	59
Романтики	60
Париж и Лондон	61
Варшава	62
«Помолчим в безмолвии февральском...»	63
Ленинград – Картахена. 1977 год	64
В гостях у сказки	66
Питер – Москва.....	67
Ялта	70
Южный берег Крыма (ЮБК).....	72
Тихий океан.....	73
Вьетнам.....	74
«Сайгон» и Сайгон.....	76
«Когда-то, когда-то, когда-то...»	78
Анатомия любви	79
Куба	80
США	81
Великобритания	82
Латвия	83
Кавказ	84
Украина.....	86
«Было, было. Помню, помню...»	87

ОКАЯННЫЕ ДНИ

«Бессмертен Блок...»	92
Старая история	93
Катрен.....	96
«Не могу. А думаю – возможно...»	97
Миледи	98
«В винегрете ликом сомелье...»	99
«Ночь темна и длинна. Лишь трехцветия...»	100
«В океане вода – вечно зелёная...»	102
Выстраданная сентенция	103
«И Муж хорош...»	104
«Когда ты, дура, все раздела...»	105
Из Кронштадта в Калифорнию	106
Как упоительны... ..	107
Парагвай.....	108
«Самолет летит на юг...»	109
Письмо в Лондон.....	110
«Увяз в ТиВи, в программах развлекательных...»	111
«Поцелуй французский или минет...»	111
«Солнце, да ели. Дымок из трубы...»	112
«Возьми любую в нашей Раше –...»	113
«Как невозможны старость без седин...»	113
1972 год.....	114
«Врач запретил есть эскалоп...»	116
«Вот тема – от нее не отвертеться...»	118
«Собираю бутылки я...»	119
«Я ненавижу Ленинград...»	119
Рекомендация к известному завещанию.....	120
Коммуналка.....	121
Ленобласть	122
Косая линия В.О.....	123
«Душа – какой-то устаревший термин...»	124

Захаров Сергей Анатольевич

СПб.

Стихотворения

Редактор *Г. Иоффе*

Набор и корректура *И. Попова*

Оформление и верстка *А. Портнов*

Подписано в печать 24.04.2015. Формат 60×84 1/32.
Гарнитура Arno Pro. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 100 экз. Заказ № 338.

Издательство «Петербург — XXI век»
198095, СПб., пл. Стачек, 4. ДК им. А.М. Горького.
Тел.: (812) 498-50-01.

Email: ioffe@yandex.ru
www.peterburg21vek.ru

ООО «Контраст»
192029, СПб., пр. Обуховской обороны, д. 38.
Тел./факс (812) 677-31-19